Государев иконный Терем.

Статья академика Н. К. РЕРИХ.

На Москвѣ в государевом иконном Теремѣ творится прехитрое и прекрасное дѣло. Творится в Теремѣ живописное дѣло не зря, как нибудь, а по уставу, по крѣпкому указу, вѣдомому самому великому Государю Царю и Государю Патріарху. Работаются в Теремѣ планы городов листы печатные, исполняются нужды денежнаго двора, росписываются болванцы, трубы, печи, составляют разсчеты, но главное — честное иконописное дѣло; ведется оно по разному старинному чину. Всякие иконные обычаи повелись издавна, со времен царя Ивана Васильевича, со Стоглаваго собора и много древнѣе еще с уставом Афонских.

По заведенному порядку создается икона. Первую и главную основу ее положит знаменщик и намѣтит на липовой или на дубовой доскѣ рисунок. По нему лицевщик напишет лик, а долицевщик - доличное все остальное: ризы и прочее одѣяніе. Завершит работу мастер травного дѣла и припишет он вокруг Святых Угодников небо, пещеры, горы, деревья; а проскребу наведет он золотые звѣзды на небо или лучи. Златописцы добрым сусальным золотом обведут вѣнчики и поле иконы. Меньшие мастера: левкащики и терщики готовят левкас, иначе говоря гипс на клею для покрытія иконной холстины, мочат клей, трут краски и опять же дѣлают это со многими тайнами, а тайные тѣ наказы старых людей свято хранятся в родѣ и только сыну расскажет старик, как по своему сдѣлать левкас или творить золото, не то даст и грамоту о том дѣлѣ, но грамота писана какой нибудь мудреной тарабарщиной. Подначальные люди готовят доски иконные, выглаживают их, хвощем; не мало всякаго дѣла в иконном теремѣ и меньшему мастеру терщику, не мало дьяку и скольничему, правящему теремное приказное дѣло.

Шибко идет работа в теремѣ. А идет шибко работа за то, что Великій Царь всея Руси Алексѣй Михайлович подарил иконников окружною грамотою, сам бывал в теремѣ и часто жалует тщаливых мастеров своей царскою брагою да романеею, платьем знатным и всякою протчею милостію. Но не только за царскую ласку идет живописное дѣло с прилежным стараніем, а и потому, что дѣло это свято, угодно оно Богу, пріяло честь от самого Христа Господа «аще изволих лицо свое на убрусѣ Авгарю царю без писанія начертати», почтся оно и от святых Апостолов и работают живописное дѣло люди всегда по любви, не по наказу и принужденію.

Вы вѣрите, что это так и должно было быть, что сдѣлалось это не случайно; и кажется вам что и вы не случайно вошли в этот Дом Божій, и что эта красота еще много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни.

Писались эти прекрасные лики не как нибудь зря, а так, чтобы «предстоящим мнѣти бы на небеси стояти пред лицы самых первообразных». Главное в том, что работа дѣлалась «лѣпо, честно, с достойным украшеніем, приличным разбором художества».

Писали Иверскую икону; обливали доску Святою Водою; с великим дерзновением служили Божественную литургію, мѣшали Св. Воду и Св. Мощи с красками; живописец только по субботам и воскресеньям получал пищу; велик экстаз созданія древне иконы и счастье, когда выпадал он на долю природнаго художника, понявшаго красоту вѣковаго образа.

Утром на восходѣ краснаго солнышка, от Китай города из Иконной улицы, гдѣ живет много иконников, гурьбами, дружно идут на работу мастера, крестятся на маковки храмов кремлевских и берутся за дѣло. Надѣвают замазанные в красках да в клею передники, лоб обмажут ременным либо пеньковым вѣнчиком, что бы не лезли в глаза масляныя пряди волос и творят на ногтях или на доскѣ краски. Кто работает молча, насупясь; кто уныло тянет стихиры, подходящие под изображенія; иной же за работой гуторит, перекидывается ласковым, либо спорным словом с товарищем, но письмо от торпит, ибо знает свое дѣло рука; если же приходится сдѣлать тонкую черту или ографить рисунок прилежно, то не только спор замолкает, а и голова помогает локтю и плечу вести линию, сам язык старательствует по губам в том же направленіи.

Не божественные только разговоры, а и мирскія рѣчи ведут иконники и шутки шутят, но шутки хорошія, без сквернаго слова, без хулы на имя Господне и честное художество.

Собрались в терем разные мастера и жалованные и кормовы и городовые всѣх трех статей; на статьи дѣляться по своему художеству, — иконники первой статьи получают по гривнѣ, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денег, а третьестепенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кромѣ денег иконникам идет и вино дворяное, и брага, и мед цѣженый, а с кормового да с хлѣбнаго двора яства и пироги.

Нѣкоторые именитые изографы: Симон Ушаков, Богдан Солтанов и другіе прошли не в терем, а в приказную избу оружейной палаты — там они будут свидѣтельствовать писаніе новоприбывшаго из Вологды молодого иконника и скажут про него изографы: навычен ли он писать иконное воображеніе добрым, самым лучшим письмом, а коли не навычен, то дьяк объявит неудалому мастеру, что по указу великаго государя он с Москвы отпущен и впредь его к иконным дѣлам высылать не велѣно, а жить му на Вологдѣ попрежнему.

II.

Промеж работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старик изограф с картофельным носом, важно подняв палец самодовольно оглядывает мастеров и твердит мѣсто грамоты, — видно крѣпко оно ему полюбилось: «...Тако в нашей царской православной державѣ икон святых писателіе тщаливіи и честніи, яко истинные церковницы церковнаго благолѣпія художницы да почтутся, всѣм прочим предсѣданіе художникам, да восприимут и кисть различноцвѣтно употреблена тростію или пером писателем да предравенствуют». Не всякаго человѣка почтит великій государь таково ласковым словом».

— «Да так и во вся вереме было. Еще Стоглав велить почитать живописателей «паче простых человѣк».

— «А что такое паче? Коли перед простым человѣком шапку ломаешь, то перед иконником надо двѣ ломать?».

— «И что есть простой человѣк? Я скажу, что сам боярин при живописателѣ человѣк простой, ибо ему Бог не открыл хитрости живописной».

«Коли не твоего ума дѣло не суесловь: всякому вѣдомо, что есть почитаніе иконописцев, честных мастеров. Почитаются они и отцами духовными и воеводами и боярами и всѣми людьми, — вступился старик, — и похваляется, что сам антіохійскій Патріарх Макарій челом бил государю на присылкѣ икон, так вот каково русское иконописаніе! а того не вспомнил старый, что Патріарху иначе и негдѣ было бы удобнѣе докучиться об иконах.

Впрочем, это рукодѣліе московских изографов — не в укор сказано.

Говорят и дивуются мастера, как выходец шаховой земли изограф Богдан Солтанов поверстан по московскому дворянскому списку; такому дѣлу, что бы иконник верстался в дворяне — еще не бывало примѣра. О Салтановѣ голоса раздѣлились: одни подумали, что пожалован он за доброе художество, а другіе подумали, что за принятіе православной вѣры. От шахового выходца Солтанова заговорили и о прочих всяких иноземцах; вспомнили как непочтительно отнеслись нѣкоторые к благословенію Патріарха и как за то Патріарх разгнѣвался и приказал им по одеждѣ быть отличными от русских людей. Одни не прочь и за иноземцев, а другіе на них, — зачѣм де часто великій государь жалует заморских мастеров лучше, чѣм своих, а по художеству свои часом, не хуже взодрят. Вон поди, Лопуцкаго мастера хвалили, нахвалили, а он того доучил, что сами ученики его челобитье подали, как мастер их живописному мастерству не учил; и была то не выдумка, а правда, послѣ чего поотнимали у него учеников и отдали Данилѣ Вухтерсу.

Особенно попадает на заморских мастеров длинный иконник, с ременным вѣнчиком на его рѣчи выходит, что нечего иноземцам потворствовать, коли самим жалованія не хватает, и указывает он на Иванка Соловья иконника оружейной палаты, оставленнаго за скорбь и старость и как скитался он сам четверт с женишкою и с робятишки между двор, гдѣ день, гдѣ ночь и наги и босы, о чем и челобитье писал Соловей Государю и просился хоть в монастырь поступить.

Но длинному возражают, напамять приводят, как государь и Патріарх входят даже в самыя мелкія нужды иконников, коли до них дѣло доходит:

Так таки и отписал Патріарх: «Артем побил мужика Панку, от воров боронясь хотя бы и больше перерѣзал, от них боронясь, все же малая его вина».

«Что говорить, грѣх государю, коли об иноземцах паче своих бреженіе имѣет и свои государеву пользу блюдут накрѣпко»: Ушаков как отрѣзал, — боярам сказал, что грановитыя палаты вновь, писать самым добрым письмом прежняго лучше и против прежняго в такое время малое нѣкогда: приходит время студеное и стѣнное письмо будет не крѣпко и не вѣчно. И вѣдь всѣ думали, что переписать осенью станут, а как Симон-от отрѣзал, так и отложили».

III.

Двери иконнаго терема висят на тяжелых кованных петлях, лапка петель длинная, идет она во всю ширину двери, прорѣзная узором. Заскрипѣли петли — отворялася дверь, пропустила в терем старых изографов с ними боярина и дьяка. Пришли тѣ именитые люди с испытаніями; Сего ради дѣла изографы разодѣлись в дорогую, жалованную одежду: однорядки с серебряными пуговицами, ферези камчатные с золотканными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зуфные, штаны суконные с развидами, сапоги сафьяновые — так знатно разодѣлись изографы, так расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь от боярина.

На испытаніе вологжанин, крестьянскій сын Сергушко Рожков, написал вновь иконнаго своего художества воображеніе, на одной докѣ образ Всемилостиваго Спаса, Пречистыя Богородицы и Іоанна Предтечи. И по свидѣтельству московских изографов Симона Ушакова с товарищи, Сергушко оказался мастер, мастер добрый. Иконники окружают новаго товарища, спрашивают кто у него поручники, потому за новоприезжаго должны поручиться иконники бывалые, должны поручиться в том, что если Сергушко у государевых иконописных дѣл быть не учнет или сбѣжит или заражничает и на поручниках пеня Государя Царя; разспрашивают, откуда Сергушко родом; каково теперешнее художество в Вологдѣ, как живут мастеры вологодскіе и слушают Сергушкины сказки.

Сергушко сказывает, что Матвѣй Гурьев иконник обманом ушел из Знаменскаго монастыря с Вологды и живет на Тотмѣ, Агей Автомаков, да Дмитрій Клоков устарѣли, Сергѣй Ансимов стемнѣл, а которые иконники сверх того есть и тѣ государева иконнаго и у стѣннаго и не у каково письма не бывают, потому что стары и увѣчны и писать никакого письма не видят и разошлися в мир для ради недороды хлѣбныя кормиться Христовым имени, ибо люди они старые и увѣчные и скудные и должные. Слушают иконники невеселыя вологодскія сказки, глядят на старый Кафтан Сергушкин; не умѣстен такой кафтан в свѣтлом теремѣ, смѣшны заплаты при золототканных окрутах. Помялись, потупились и опять разспрашивают Сергушку, каким письмом пишут иконы по вологодским селам и заглушным мѣстам, не пишут ли там иконы с небреженіем, лишь бы промѣнять темным поселянам невѣждам? Храпят ли древніе переводы? — Об этом де дал государь грозную грамоту, когда дошла до него вѣсть о нескусных живописцах Холуйских.

С школьничьим разговаривает только что вошедшій в терем заморскій мастер цесарской земли Данило Вухтерс; подошел он к боярину с низкими поклонами, хитро, выгибая тонко обутыя ноги, ради пресвѣтлой неизрѣченной милости царя и многомилостиваго и похвальнаго жалованья рѣшился он на трудную поѣздку в Московію; улаживается Вухтерс с боярином, сколько он будет получать жалованья; порѣшили: будет получать: Вухтерс — денег 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, круп грешневых четверть, гороху двѣ чети, солоду 10 четей, мяса 10 полоть, вина 10 ведер. Поскупил Вухтерс набавить 5 бѣлужек, да 5 осетров — набавили и напишут поручную — будет Вухтерс учить русских мастеров писать мастерством самым мудрым.

Отошел боярин от Вухтерса и теперь рѣшает с дьяком и с жалованными мастерами: откуда способнѣе вызвать иконников на время росписи Успенскаго собора, ибо для этой работы не хватит теремных и городовых мастеров московских. Степенню приказывает боярин дьяку:

«Изготовь Артамон, грамоту во Псков, чтобы сыскали по росписи иконописцев всѣх, что ни есть: и посадских людей и боярских и княжеских и монастырских и торговых и всяких людей, у кого ни будь, только чтобы стѣнному церковному письму прорухи не было».

Сыскать и вызвать мастеров надо не спроста, надо наблюсти строгую очередь, иначе будут жалобы, что, де, иным иконописцам в дальних волокитах чинятся многіе убытки и разоренье, а других вовсе к стѣнному письму не емлют. Хорошим мастерам вездѣ дѣло есть; добрыми мастерами всякій дорожит с великим нехотѣньем отпускают их в ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника и воеводы и даже духовные люди — игумены и архіереи идут на обман, готовы сообщить в государев терем облыжныя свѣдѣнія, нужды нѣт, что их уличат в бездѣльной корысти и шлют к ним самопальных с грозными указами, а святые отцы и государевы слуги все же покажут добрых мастеров в безвѣстном отсутствіи и укроют их в монастырских кельях — уж такая всюду необходимость в истинствующих иконниках.

IV

— Смилуйся, пресвѣтлый боярин, не дай в конец разориться! — пробирается к боярину обокраденный мужиченко и, дойдя, кланяется земно.

— Докучаюсь тебѣ, боярин, о сынишкѣ моем, иконной дружины ученикѣ... Смилуйся, отец, на парнишку! В конец изведен его мастер корысти ради и грозы нѣт на него, потому и сбѣжал от него, невозможно — больно велика пеня показана. Вот и список с поручной».

Дьяк принимает поручную; молча, просматривает ее сквозь зубы процѣживает, «дожив своих ученых лѣт не сбѣжать и не покрасть» и вполголоса читает боярину:

— «...а будет сын его Ларіонов, не дожив урочных лѣт от меня покрадчи сбѣжит взяти мнѣ в том Ларіонѣ по записи заряду двадцать рублей». Да, пеня немалая проставлена, уж пятнадцать рублей и то большая пеня, а двадцать и того несообразнѣе. А дѣло-то в чем? — распрашивает дьяк, недовольный, что судбище будет при всѣх, при бояринѣ, и не придется ему, дьяку, распорядиться с челобитчиком, по своему, по приказному, и не будет ему, дьяку, никакой пользы.

— Бью челом за мастера иконнаго Терентія Агафонова, — зачастил мужиченка, — что взял парнишку моего в ученіе, и тому пошел без малаго год третій, а живописному письму не учил, только выучил по дереву и по полотнам золотить. И ученье мастера этого негожее; учит он не в ученика пользу, а в свою; примѣры тѣлесные дает невѣрные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не учил. А что парнишко напишет добрым письмом по своему разумѣнію, и то мастер, альбо похуляет, альбо показует работою ученика иного, своего племянника, и моему парнишкѣ ни пользы, ни чести не выходит. И на том смилуйся, боярин, и пожалуй взять мнѣ парнишку моего Ларивонку домой без пени! — кланяется мужиченка, а позади его выдвигается тощій человѣк в темной однорядкѣ и, заложив руку за пазуху, кашлянув, переминаясь, начинает:

— «И в ученіи Стоглаваго собора в главѣ 43 сказано есть: аще кому и даст Бог таковаго рукодѣлія, учнет писати худо или не по правильному завѣщанію жити; а мастер укажет его горазда и во всем достойна суща и показует написаніе инаго, а не того и святитель, обыскав, полагает таковаго мастера под запрещеніем правильным, яко да и прочіи, страх пріимут и не дерзают таковая творити. — Сказано есть во Стоглавѣ, а по сему повинен мастер Агафонов, что дружит по своему племяннику и тѣм неправое бреженіе к Государеву дѣлу имѣет. Племяннику его не открыл Бог рукодѣлія и коли Агафонов своею хитростью устроит племянника своего в Теремѣ и на том Царскому дѣлу поруха»...

— «А ты что за человѣк? — переспрашивает его дьяк.

— «Он знает свояк мой Филипко; парнишку моего жалко ему. Ен, парнишко-то, добрый, да вот неудача в мастерѣ вышла, прости Создатель! А что Агафонов на племянникѣ на своем душею кривит, — это точно, и племянник — от его живет бездѣльно, безпутно щапствует, а парнишко мой за него виноват.

— «Челобитье твое большое и хитрое, — нахмуривается боярин. — На народѣ не гоже судиться, идите в Приказную избу; туда позвать и Терентія он; гдѣ работает? — здѣсь? — распорядился боярин».

— «Терентій не в теремѣ сейчас пишет, а в пещерах от Краснаго крыльца».

— «Посылайте за ним, пусть не мѣшает, бросать работу и бѣгом идет в Приказ, — уходит боярин, с ним дьяк и челобитчики.

Иконники притихли; знают, что над товарищем стряслось не доброе, но знают и то, что не

Бажанов 11 ноября гр. 8 . . .

доброе это заслужено, хотя не только Терентію, а и нѣкоторым иным мастерам грозит таже гроза за дружество и милость к своим родным.

— «Да, — рѣшает Симон Ушаков, — а всѣ знают, что Симон зря слова не скажет, — всѣ то корысть, все то щапство, а любви к дѣлу не видно. Продает Терентій хитрость свою живописную, богоданную, только о себѣ думает: и по-дѣлом ему, коли наложат на него прещеніе и будет он сидѣть без работы. Не завидуй; веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаром не любили молодые Терентія».

Молчат иконники; многіе понурили головы, глядят на работу не поднимают глаз. Думается им: «хорошо говорить Симону, не всѣ такіе, как он», а в душѣ они уже не любят Ушакова, зачѣм он знатен в художествѣ, зачѣм всѣ слушают его, зачѣм оно говорит правдивое слово. Но, слава Богу, думают так не всѣ и больше половины искренно кивают головою Симону на добром словѣ его. Таками мастерами, как Симон, и держится живописное дѣло. Теперь не так скоро опять загудит говор, не так скоро усмѣхнется кто-нибудь. В полдень отобѣдают, отслужат, а там и до конца работы недолго.

В углу старый иконник — борода крупными куделями упала на грудь, нос сухой с горбинкой, глаза глубоко запали в орбитах — протяжно ударяя на о, поучает молодого:

— «....дали ему святую воду и святыя мощи, чтобы смѣшав святую воду и святыя мощи с красками, написать святую и освященную икону. И он писал сію святую икону и только по субботам да воскресеньям пріобщался пищи и с великим радѣнием и одѣнием в пищинѣ великой совершил ее...

«Что-то Оленька»? — мелькает о человѣческом у молодого, а изограф уже угадывает его мысли, еще строже впивается в него своими стальными глазами и твердит внушительно:

— «Спаси Бог нынѣшних мастеров! Многіе от них пишут таковых же святых угодников, как они сами: толстобрюхих, толсторожих и руки и ноги яко стульцы у каждаго. И сами живут не истинно, не памятуя, да подобает живописцу быть смиренну, кротку, благоговѣйну, не празднословцу, не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницѣ, не грабежнику, не убійцѣ, но и паче хранити чистоту душевную и тѣлесную со всяким опасеніем. А не можешь тако пробыти до конца, то женись по закону и браком сочетайся и приходи ко отцам духовным и во всем извѣщайся и по их наказанію подобает жити в постѣ и молитвах и воздержаніи со смиренномудрием, кромѣ всякаго зазора и с превеликим тщаніем пищи образ Господа; да мятутся люди страстями тѣлесными, ты же, духовно ревнуя ко славѣ честнаго художества, подвизайся кистію и словом добрым. Не всякому дает Бог писати по образу и подобію и кому не дает — тѣм в конец от такого дѣла престати, да не Божіе имя таковаго письма похуляется. И аще учнут глаголати: — «мы тѣм живем и питаемся» и таковому их рѣченію не внимати. Не всѣм человѣком иконописцем быти: много бо и различно рукодѣйствія подаровано от Бога их же человѣком пропитатися и живым быти и кромѣ иконнаго письма, — получает мастер».

Закату не осилить слюдяных оконцев. В Теремѣ темнѣет. Расходятся иконники. Не блестят вѣнчики и узоры на ризах. Дрожат темныя очертанія ликов и острѣе сверкают большія бѣлыя очи угодников. Сумрак ползет из углов, закутывает сѣрым пологом запасы иконных досок и холстины, мягчит тѣни станков. Истово и мѣрно звучит поученіе о добром живописном рукодѣліи.

Творится в иконном Теремѣ хитрое и красное дѣло.

НИКОЛАЙ РЕРИХ.